

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-79-131-143>

УДК 811 + 821.161.1

ББК 81.2 Рус + 83.3(2Рос=Рус)53

Научная статья/Research article

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-No Derivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2026 г. О.Г. Твердохлеб

г. Оренбург, Россия

КОНЦЕПТ «ПРОЩЕНИЕ» В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ ИОСИФА БРОДСКОГО

Аннотация: Статья вносит вклад в изучение антропоцентрической лингвистики и когнитивной поэтики, демонстрируя, как языковые средства формируют ключевой мировоззренческий концепт И. Бродского «прощение». На материале Национального корпуса русского языка и электронных собраний сочинений поэта исследуются лексико-семантические, грамматические и стилистические особенности репрезентации этого понятия. Методология: корпусный анализ (частотность, грамматические формы); контекстуальный анализ (семантика, коннотации); интертекстуальный подход (связь с христианством, литературными предшественниками). На иллюстративном материале показано, что в поэзии И. Бродского: а) прощение реализуется лингвистически преимущественно через глагольные формы, среди которых особенно частотны формы повелительного наклонения («прости», «простите»), что подчеркивает его императивный характер; б) концептуально оно связано с христианской традицией, но переосмыслено в экзистенциальном ключе — как акт коммуникации (диалог с миром) и как философская категория, отражающая проблемы вины, времени и примирения с конечностью бытия; в) прощение адресовано Богу, женщинам (включая Анну Ахматову и лирических героинь) и абстрактному читателю — такая множественность адресатов подчеркивает диалогическую природу поэтической исповеди; г) отсутствуют негативные именные и глагольные лексемы (с частицей *не* или приставкой *без-* и т. п.), репрезентирующие концепт «прощение», что подтверждает абсолютную ценность этого концепта, ценность умения прощать в поэтическом мире И Бродского; д) для особой выразительности поэтических строк и усиления значения ‘прощения’ поэт использует разного рода повторы глагольных предикатов. Полученные результаты могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество Иосифа Бродского, а также могут быть использованы и в практике составления словаря поэта.

Ключевые слова: Иосиф Бродский, концепт «прощение», корпусный анализ, христианская этика, лингвопоэтика, идиостиль.

Информация об авторе: Ольга Геннадьевна Твердохлеб — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, д. 19, 460844 г. Оренбург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8309-0245>

E-mail: ogtwrd@gmail.com

Дата поступления статьи: 03.07.2025

Дата одобрения рецензентами: 08.11.2025

Дата публикации: 25.03.2026

Для цитирования: Твердохлеб О.Г. Концепт «Прощение» в поэтическом языке Иосифа Бродского // Вестник славянских культур. 2026. Т. 79. С. 131–143.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-79-131-143>

I. Огромный, неподдельный и устойчивый интерес во всём мире вызывает творчество Иосифа Бродского. Работы авторитетных отечественных и зарубежных литературоведов и критиков, философов и искусствоведов, написанные в разные годы, включены в антологию (в 2-х томах) [10]. В отечественном литературоведении обычно проводится образный анализ произведений И. Бродского [8, 16 и мн. др.], нередко в сопоставлении с поэтическими текстами других авторов, традиционно с поэзией А.А. Ахматовой [2, 17] и Осипа Мандельштама [13]. Современная лингвистика тоже неуклонно обращается к исследованию творчества Иосифа Бродского, в частности, к анализу лексических особенностей [6, 7]. Когнитивная лингвистика, стремясь показать, как в языке отразился человек во всем своем многообразии, описывает репрезентацию разных концептов в поэзии И.А. Бродского (основных [9] либо конкретных концептов «горение» [22], «ум, мозг, сердце» [24] и др.).

В нашей предыдущей работе [20] объектом внимания был концепт ‘жалость’. Поскольку Иосиф Бродский выше всего ценил в человеке «*умение прощать, умение жалеть*», эту работу мы посвящаем анализу другого ключевого в его поэтическом языке концепта «прощение». Языковым материалом для данного исследования стало более 70 поэтических контекстов, полученных по запросам: «*прощать*», «*простить*», «*прощение*», «*прощенье*» в «НКРЯ: поэтический подкорпус: Иосиф Бродский» [29], объем которого: 693 документа, 154747 слов. Полученные в подкорпусе стихотворные контексты были перепроверены и дополнены в результате сплошной выборки из электронного собрания сочинений И. Бродского [27]. Задача данного исследования — проанализировать основные языковые средства, используемые И. Бродским в его поэтическом языке для выразительного описания «прощения»: а) формальные особенности (частотность и морфологические особенности глагольных и именных форм, репрезентирующих ситуацию «прощение»; синтагматическую сочетаемость слов, описывающих ситуацию прощения); б) содержательные особенности (лексико-семантические, включая положительные / отрицательные коннотации; особенности составляющих элементов феномена прощения).

II. Концепт «*прощение*» является одним из важнейших в русской культуре и привнесен в нее с утверждением христианства [5]. В религиозно-этических текстах требование прощения «исторически формируется как конкретизация более широкого требования непричинения зла в ответ на совершённое зло и снисхождение к обидчику» [30, с. 227]. В философии *прощение* определяется как «добровольный отказ от возмездия за обиду или нанесенный ущерб» [25, с. 381].

В творчестве Иосифа Бродского тема прощения занимает особое место. Репрезентации концепта «прощение» глагольными и именными лексемами (*прощать, простить, прощение, прощенье*) встречаются во многих его произведениях. При этом анализ коннотации показал полное отсутствие негативных контекстов (с частицей

не или приставкой *без-* и т.п.) для указанных лексем, что отчасти подтверждает ценность умения прощать в его поэтическом мире.

Сравнительный анализ показал разную частотность репрезентаций ситуации «прощение» глагольными и именными формами в основном корпусе НКРЯ, в поэтическом подкорпусе НКРЯ и в поэтическом подкорпусе НКРЯ: Иосиф Бродский. Количественные данные фиксируют наибольшее число вхождений в «подкорпусе НКРЯ: И. Бродский» для глагола «*простить*» (69 глагольных лексем «простить») в отличие от именных лексем «прощение / прощенье» (5 случаев), что соответствует большой частотности этого глагола и в современном русском языке (39099 вхождений в основном корпусе НКРЯ) в связи с этикетным функционированием [11]. Однако соотношение количества выявленных случаев глагола «*просить*» в подкорпусе НКРЯ: Иосиф Бродский (0,044% от всех лексем в подкорпусе НКРЯ: И. Бродский) возрастает более чем в четыре раза по сравнению с общим количеством этого глагола в основном корпусе НКРЯ (всего 0,01% от всех лексем в основном корпусе НКРЯ). Следовательно, при изображении ситуации «прощения» среди анализируемых именных и глагольных форм лексема *простить* является «доминантой» как самая частотная, что подтверждается предыдущими исследованиями [4, с. 78].

Дальнейшее исследование выполним с учетом грамматического деления.

Глагольная лексема

При изображении ситуации прощения более обширно в поэзии И. Бродского представлена глагольная лексика. Проведем количественный, грамматический и лексико-семантический анализ этой лексики.

1 Основные репрезентанты акта прощения.

Акт прощения предполагает две составляющие: просить прощение и прощать, основными репрезентантами которых в современном русском языке являются глаголы «простить» и «прощать». На наш запрос: «*простить*» поэтический подкорпус НКРЯ: Иосиф Бродский было найдено 47 документов, 68 вхождений. При дополнительном запросе: «*прощать*» было найдено 32 документа, 46 вхождений, но среди всех выданных примеров только один содержал словоформу («*прощающий*») с интересующим нас лексическим значением. Идея прощения часто акцентируется повторами глагольной лексемы (на соседних строках; в соседних строфах; и на соседних строках, и в соседних строфах; и на соседних строках, и в строфах, начинающих и замыкающих одну из глав поэмы (главу 18); в отдалении друг от друга, но в пределах одной главы поэмы, а также могут быть сквозными) в структуре одного поэтического текста (далее приводим в порядке убывания примеров): 12 контекстов (наибольшее число словоформ), включающих глагольную лексему «простить», в поэме «Горбунов и Горчаков» (1969); 8 контекстов — в поэме «Посвящается Ялте» («История, рассказанная ниже...») (1969); 4 случая — в поэме-мистерии «Шествие» (1961); по 3 контекста — в поэме в трех частях «Петербургский роман» (1961) и в стихотворении «Не то Вам говорю, не то...» (1962); по 2 случая — в стихотворении «Северная почта» (1964); в поэмах «Новый Жюль Верн» (1976) и «Зофья» (1962).

2 Морфологический анализ.

Для обозначения «прощения» чаще используется глагольные формы **повелительного** наклонения (54 контекста). Формы 2-го лица • единственного числа: *прости* (34 примера — абсолютное большинство) и • множественного числа: *простите* (18) употреблены для обозначения побуждение к прощению, обращенное к одному

лицу (предмету) / группе лиц: «*Но, Горчаков, тогда прости*» (Горбунов и Горчаков; 1969) [29]; «*Простите мне, товарищи...*» (Горбунов и Горчаков; 1969) [29]. Последняя форма используется и для этикетного (фактического) обозначения побуждения к прощению, обращенного к одному лицу как «формальность или жест вежливости» [21, с. 46] и показывающего «меру воспитанности человека», когда «состава преступления», по сути, нет и лишь «нарушение этикета может привести к дисбалансу правил приличия в социализованной коммуникации» [11 с, 140–141]: «*Простите меня, кузина*» (Новый Жюль Верн; 1976) [29]. Субстантивированные формы 2-го лица единственного числа употреблены в метаязыковой функции для обозначения самой лексемы «прости» (показано поэтом графически постановкой лексемы в кавычки): ...*наши «спаси», «не мучь», / «прости»* («Век скоро кончится, но раньше кончусь я...»; 1989) [29]; ...*слов типа «прости», «не буду»* («Осень — хорошее время, если вы не ботаник...») (1995) [29]. Аналитическая форма дается соединением частицы «да» с формой 3 лица единственного числа изъявительного наклонения [32, § 1480]: *Да / простит мне Бог...* (Из «Школьной антологии»; 1966–1969) [29]. Доминирование императивных форм (это подтверждают и данные В. Полухиной о том, что формы «прости», «простите» составляют 78% всех случаев употребления [16, с. 112]) показывает, что для Бродского прощение — это языковой императив, где «прости» является частотным этикетным действием.

Немногочисленны глагольные словоформы **изъявительного** наклонения, ● будущего времени: *простит* (6), *простишь* (3), *простят* (1) и ● прошедшего времени: *простила* (1), ср.: *Ты, как могла, простила / все...* (Строфы; 1978) [29]. В выявленных контекстах глагольных форм настоящего времени (*прощает, прощаешь...*) нет. Это может указывать на то, что в поэтическом мире автора «прощение» осмысливается как акт, требующий времени, размышления и реализующийся лишь в перспективе или в ретроспективе.

3 Образ прощённого человека.

В модели коммуникативной ситуации извинения просящий, «осознавая, что своими действиями (вербальными или невербальными) наносит ущерб второму лицу, признает себя виноватым и просит снять с него вину» [23, с. 242]. Для репрезентации прощаемых (просящих прощение) поэт использует имена существительные (редко): ...*и Бог простит безумный краткий век / военных и заслуженных калек...* (Шествие; 1961) [29] и (как правило) местоимения разных разрядов: ● личные местоимения 1-го лица, единственного числа (*я, меня, мне* — большинство случаев): *Простите, я не понял* (Посвящается Ялте; 1969) [29]; *Прости меня* (Литовский дивертисмент; 1971) [29] или множественного числа: *Прости, мы извиняемся* (Шествие; 1961) [29]; а также 2-го и 3-го лица, единственного числа: ...*может, тебя и помилует Бог...* (Шествие; 1961) [29]; ... *он, ей-ей, / уже простит...* («Тебе, когда мой голос отзвучит...»; 1964) [29]; ● притяжательные (*мой, твой*), указательное (*тот*) и вопросительное: *Прости волнение и горечь / в моих словах* (Петербургский роман; 1961) [29]; ...*прости того, кто...* (Северная почта; 1964) [29]; *Прости. / За что? Кого?* (Подражая Некрасову, или Любовная песнь Иванова; 1968) [29].

Прозящие (получающие прощение, заслуживающие прощение и т. п.) в поэзии И. Бродского при глаголах «*простить*» и «*прощать*» могут быть разными: автор, лирическое «я» поэта; конкретный лирический герой; предмет (стихия); обобщенный / собирательный / подразумеваемый образ.

1 **Лирическое «я».**

Представлено обычно указанием (местоимениями): *Но да простит меня / читатель добрый* (Посвящается Ялте; 1969) [29]; единично имплицитно: *...простите — Вор, представить не успел* (Шествие; 1961) [29]. По содержанию поэтические извинения автора могут быть формальными, этикетными [19, с. 45], основанные на здравом смысле и общечеловеческих ценностях, случающиеся из-за пустяковых, порою грубых бытовых ситуаций в повседневной жизни: *...прости того, кто, будучи ленив...* (Северная почта; 1964) [29]; *Мослы, переполняющие брюки, / валялись на кровати, все в шерсти. / И горло хочет громко крикнуть: Суки! / Но почему-то говорит: Прости* (Подражая Некрасову, или Любовная песнь Иванова; 1968) [29].

2 **Прощённый лирический герой.**

По количеству персонажей, просящих прощение в поэтических строках находим или одно лицо, ср.: *Твой день пройдет / <...> / и женщина знакомая простит* (Шествие; 1961) [29], или более, чем одно лицо, ср.: *Прости, мы извиняемся* (Шествие; 1961) [29]; *...и Бог простит безумный краткий век / военных и заслуженных калек* (Шествие; 1961) [29].

3 **Обобщённый** (подразумеваемый) образ просящего прощение.

В поэзии И. Бродского есть образ просящего, лишённого конкретики, а мотив прощения превращается в философскую рефлексию, где сам акт извинения, поставленный под сомнение, подчёркивает экзистенциальную неопределённость и метафизическую вину: *Прости. / За что? Кого?* (Подражая Некрасову, или Любовная песнь Иванова; 1968) [29]. Обобщённая фигура, лишённая индивидуальных черт, существующая в пространстве этической неопределённости, может изображаться в ситуации прощения, дающей как ритуал, почти формальность: *Сверни с проезжей части в полу — / слепой проулок и / <...> / шепни всего четыре слога: — / Прости меня* (Литовский дивертисмент; 1971) [29].

4 **Неодушевленный** просящий прощение.

Единично неодушевленного просящего прощения находим при изображении стихии: *...волна могла бы свести / слушателя своего / в одночасье с ума, / сказав ему: «я, прости, / не от мира сего»* (Моллюск; 1994) [29]. Антропоморфизм природного явления расширяет границы традиционного покаяния, превращая его в метафору творческого процесса — как диалога между хаотичной стихией языка и попыткой её укрощения.

4 **Образ прощающего.**

В поэтических строках И. Бродского при изображении феномена прощения с глаголами «простить» и «прощать» прощающий (дающий прощение, обиженный) обычно представлен в агенсной позиции (подлежащего) и в позиции адресата (обращения), что усиливает его значимость в акте прощения. Дающий прощение представлен несколькими группами: а) «высший третий» [3, с. 305–306]; б) действующее лицо (персонаж); в) предполагаемый читатель; г) неодушевленный предмет (вещь).

1 **«Высший третий».**

Традиционно проблема прощения, связанная с тем, кому, кого и при каких обстоятельствах следует (не)прощать была ограничена религиозными или устоявшимися моральными нормами [21]. Образ «высшего наддресата», «незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога» [3, с. 305–306], «свидетеля и судии», аналогичного «самосознанию человека» [3, с. 341], в поэтическом мире

И. Бродского играет особо важную роль. Встречаем лексемы, связанные с номинацией Бога: *Господь* (4 случая), *Господи* (3 случая), *Отче* (1 случай), *Бог* (4 случая), ибо для поэта «*В каждом из нас / Бог*» (Стихи под эпитафией; 1958) [29]. Прощающий «высший третий» может быть репрезентирован: ● в позиции обращения при глаголе прощения повелительного наклонения, напр., лексемами «Господи», «Господь» и «Отче», употребляемыми пережиточно со значением «восклицания, близкого к междометию» [34, т. 3, стб. 333], в том числе и с просьбой прощения за некоторую резкость сказанного, напр., в составе фразеологизма: *Простите, что разверз сей хлев / пред Вами, Господи, простите* («Не то Вам говорю, не то...»; 1962) [29]; ● в позиции подлежащего при глаголе прощения в форме изъявительного наклонения: *...и Бог простит безумный краткий век / военных и заслуженных калек...* (Шествие; 1961) [29]; ср. также репрезентацию «души» в качестве «высшего наадресата» в позиции подлежащего при глаголе прощения: *Душа твоя грехи тебе простит...* (Зофья; 1962) [29]. Прощающий «высший третий» может быть назван в развернутом описании: *...сядь на скамью и, погодя, / в ушную раковину Бога, / закрытую для шума дня, / шепни всего четыре слога: — / Прости меня* (Dominikanai. Литовский дивертисмент; 1971) [29]. Обычно именные репрезентации прощающего и глаголы прощения введены контактно, что усиливает их связь: *...Господь, прости* (Шествие; 1961) [29]. Для выражения «усиленной просьбы» используется предложно-падежная форма «ради + род. пад.» имени (со значением ‘пожалуйста’) [34, т. 1, стб. 307]: *Простите, ради Бога* («Друзья мои, ко мне на этот раз...»; 1961) [29], в том числе с повтором глагольной лексемы: *Прости меня, прости мне, Бога ради* [Горбунов и Горчаков; 1969] [29].

2 Действующее лицо.

Прощающим в поэзии Иосифа Бродского может быть действующее лицо (персонаж, лирический герой), который, как правило, при глаголах прощения назван эксплицитно субстантивной лексемой. Одушевленное лицо, выступающее в качестве прощающего, характеризуется гендерными чертами. В поэзии И. Бродского прощающими обычно являются женщины (*женщина, мадам, кузина, Филомена*): *Мадам, Вы простите бессвязность, пыл* (Письмо в бутылке; 1964) [29]; *Филомела, прости* («Нет, Филомела, прости...»; 1964) [29]. Немногочисленны контексты с прощающими мужчинами (*глупцы, друг*, Горчаков): *...глупцы простят* (Шествие; 1961) [29]. Возможно указание гендерных особенностей прощающего героя грамматически (согласование личного местоимения с причастием мужского рода *знавший*) и лексически (имя прощающего в названии стихотворения): *... Но, как знавший чернильную спесь, / ты оттуда простишь...* (Памяти Геннадия Шмакова; 1989) [29].

3 Читатель / слушатель.

Нередко при глаголе прощения прощающим становится предполагаемый читатель / слушатель: *читатель мой, медлительность прости* (Шествие; 1961) [29]. Чаще автор-творец извиняется за какие-либо формальные изъяны речи: *...ты простишь нескладность слов моих* (Einem alten Architekten in Rom; 1964) [29]; *Ты, несомненно, простишь мне этот / гаерский тон* (Прощайте, мадемуазель Вероника; 1967) [29]; *Мой голос, торопливый и неясный / <...> / в иной стране — прости!* («...Мой голос, торопливый и неясный...»; 1962) [29]. Такие извинения (за *гаерский тон, нескладность слов* т. д.), выполняя не только фатическую функцию, служат ироническим приёмом, маскирующим глубину авторской рефлексии и создающим доверительный диалог с аудиторией.

4 *Артефакт.*

Единично прощающим становится неодушевленный предмет (вещь, артефакт), репрезентированный в «характерной для поэтической речи» [32, § 1481] позиции обращения при императиве: *Прости меня, прелестный истукан* (20 сонетов к Марии Стюарт; 1974) [29], где автор, обращаясь к одному из памятников паркового ансамбля в Люксембургском саду в Париже, адресует свою речь шотландской королеве Марии Стюарт, символом которой является этот монумент.

Именная лексема

Именной лексемой, репрезентирующей понятие «прощение», в русском языке является имя существительное *прощение* с лексическим значением: ‘действие по глаголу простить / прощать’ (по: [33, с. 548]). В поэтическом подкорпусе НКРЯ: Иосиф Бродский [29] на наш запрос: «*прощение*» (высокое) вхождений найдено не было; однако на вариантный запрос: «*прощенье*» (сниженное) было найдено 5 документов, 5 вхождений.

Прагматику прощения в мире И. Бродского — это не смирение, а способ сохранить свободу от ненависти — раскрывает признание Бродского о том, что «невозможности всерьез относиться к обидчикам» научила его Анна Андреевна Ахматова. «Основы мировоззрения» [12, с. 34] А. Ахматовой о чувстве «прощения» выражены в ее строках из «Вереницы четверостиший»: *Я всем прощение дарую / И в воскресение Христа / Меня предавших в лоб целую, / А не предавшего — в уста.* (А.А. Ахматова. «Я всем прощение дарую...»; 1947–1948) [26, с. 130]. Ахматова была для Бродского «прежде всего, примером духовным, примером нравственным» и которой он «обязан умением прощать» (Юрий Коваленко. Судьба страны мне далеко не безразлична // Газета «Неделя», №9, 1990 год) (по: [31]). Тот факт, что «эта женщина простила врагам своим», стал для него «лучшим уроком», после которого он оказался не в состоянии «всерьез относиться «к своим обидчикам, к врагам, заведомым негодьям, даже, если угодно, к бывшему моему государству» [28]. Преемственность ахматовского мотива «Я всем прощение дарую» наблюдаем в строках И. Бродского: *Бог сохраняет все; особенно — слова / прощенья и любви, как собственный свой голос* (На столетие Анны Ахматовой; 1989) [29], где прощение, в отличие от ахматовского «целую в лоб», лишено её жертвенного пафоса и «сакрального характера» [1, с. 56], и, трактуемое как «божественное действие» [15, с. 10], становится формой диалога с умершими, способом «преодоления экзистенциального страха, актом признания собственной конечности» [1, с. 56], образом поэтического преодоления травмы [14, с. 89 и далее]. Бродский, трансформируя христианскую концепцию прощения как непричинение зла в ответ на совершённое зло, создает «собственную теологию», когда «прощение становится актом более личным и парадоксальным», «не столько религиозным, сколько экзистенциальным» [18, с. 145], «человеческим, слишком человеческим жестом» [1, с. 56].

В поэзии Бродского контекстуальная семантика лексемы «прощенье» демонстрирует полярность коннотаций. В возвышенных контекстах (в сочетании с лексикой «речи, письменной или устной»: *шрифт, слова*) прощение становится сакральным актом, связанным с творчеством и вечностью, ср.: *Но мы живы, покамест / есть прощенье и шрифт* (Строфы; 1978) [29]. В сниженных контекстах (*дурноты, мертвецы, сортир*) просьба о прощении приобретает ироничный или даже абсурдистский оттенок, подчеркивая экзистенциальную «неопрятность» бытия: *Ни у кого прощенья не прошу / за все дурноты* (Шествие; 1961) [29]; *Значит, зря мы просили прощенья /*

у своих мертвецов (От окраины к центру; 1962) [29]; «Где сортир, прошу прощенья?» (Представление; 1986) [29].

Так, прощение, выступая метафорой для диалога с миром: от бытового («прошу прощенья за сортир») до онтологического («Бог сохраняет... слова прощенья»), выходит за рамки религиозного или этического понятия, становится философской категорией, связанной с проблемами вины, времени, смерти.

Заключение

Концепт «прощение» занимает важное место в поэтической системе Бродского, что подтверждается употреблением лексем «простить» и «прощенье» (69 и 5 вхождений соответственно) в его разных произведениях на протяжении всей творческой деятельности. Анализ лингвистических особенностей показал, что: а) доминирование глагольных форм «*простить*» с преобладанием форм повелительного наклонения («*прости*», «*простите*») подчеркивает императивность прощения — это не констатация, а просьба, обращение к другому; б) именная форма «прощенье» встречается реже, с полярными (сниженная, возвышенная) коннотациями; в) отсутствие негативных контекстов (с частицей «не» или приставкой «без-») указывает на ценность прощения для Бродского.

Анализ структуры покаянного акта в поэзии Бродского выявил традиционно выделяемых участников ситуации. Многообразие *просящих* прощение и *прощающих* в поэзии Бродского — от автора и конкретного лирического героя до абстрактного Бога и даже природной стихии — подчёркивает универсальность концепта «прощение», наполняющего традиционные христианские мотивы новыми смыслами. Мотив просящего автора в поэзии Бродского — это не просто дань вежливости, но и важный элемент его поэтики, где извинение за формальные «изъяны» речи становится способом говорить о невозможности идеального высказывания. В поэтическом акте прощения требуется признание вины перед кем-то *прощающим* (Богом, человеком, читателем, миром), даже если это диалог с традицией (в разговорах с предшественниками — Ахматова, Мандельштам, чьи голоса «звучат» в его текстах через интертекстуальные связи). Более частотным *прощающим* является «Высший третий» (Бог, Господь, душа), что отражает влияние христианской этики и философской традиции, а также и абсолютизацию морального выбора. При обращении с просьбой о прощении к женщинам (Ахматова, *любовь моя*, *Филомела*) появляется связь с мотивом милосердия и жертвенности; при обращении к читателю / слушателю как условному адресату создается эффект диалогичности и интимности; при обращении к неожиданным субъектам (*истукан*) в рамках традиционной темы прощения Бродский избегает клише.

Уникальность поэтики прощения у И. Бродского формируется различными стилистическими приемами: а) повторами (*прости... прости*), создающими эффект молитвенной интонации; б) контрастом возвышенного и бытового (прощение может звучать в контексте сортира: *Где сортир, прошу прощенья?* или высокой трагедии: *Бог сохраняет... слова прощенья*); в) иронией (даже в обращениях к Богу или читателю заметен оттенок самоиронии).

Для Бродского прощение, связанное с мотивами вины, времени, памяти, переосмысленное в экзистенциальном ключе как единственно возможный способ человеческого бытия перед лицом вечности, приобретает контекстуальную глубину.

Таким образом, анализ языковых средств позволил реконструировать лингвистическую модель прощения в поэзии И. Бродского. На формальном уровне выявлена

высокая частотность и специфическая сочетаемость глагольных форм повелительного наклонения, репрезентирующих ситуацию «прощение» в поэтическом контексте. В содержательном аспекте прощение в поэтике И. Бродского предстает как многослойный этический концепт с амбивалентными (положительными и отрицательными) коннотациями, чья диалогическая природа проявляется в системе обращений к Высшему третьему, женщине и абстрактному читателю.

Список литературы

Исследования

- 1 *Апресян Р.Г.* Этика прощения в XX веке. М.: Наука, 1999. 210 с.
- 2 *Ахапкин Д.Н.* Иосиф Бродский и Анна Ахматова. в глухонемой Вселенной. М.: АСТ, 2021. 288 с.
- 3 *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
- 4 *Бобунова М.А.* Концептосфера И. Бродского. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2015. 320 с.
- 5 *Брилева И.С.* О категории прощения в системе традиционного мировоззрения // Мир русского слова. 2015. №2. С. 35–44.
- 6 *Галимуллина А.Р.* Функционально-грамматический максимализм инфинитивной поэзии Иосифа Бродского // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23, №3. С. 90–99.
- 7 *Гладких Ю.Г., Санникова Е.И.* Динамика годичного цикла в лирике И.А. Бродского: лингвистический аспект // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 10. С. 72–78.
- 8 *Жиляков С.В.* Архетипические образы в лирике Бродского (на примере стихотворений «Памяти...» и «На смерть...») // Профессия: литератор. Год рождения: 1940. Коллективная монография. Елец: Изд-во Елецкого гос. ун-та им. И.А. Бунина, 2021. С. 16–27.
- 9 *Жулькова К.А.* Основные концепты поэзии И.А. Бродского // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2020. №4. С. 91–96.
- 10 *И.А. Бродский: pro et contra*, антология: в 2 т. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2022. Т. 1. 878 с. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2023. Т. 2: Иосиф Бродский в мировой культуре. 972 с.
- 11 *Карасова С.Я.* Лингвистические средства выражения просьбы прощения // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 64-1. С. 140–142.
- 12 *Комар Н.Г.* Мотив покаяния и прощения в лирике А.А. Ахматовой // Вестник Новгородского государственного университета. 2010. № 56. С. 32–34.
- 13 *Кудалина А.А.* Любовь, смерть и речь: о двух стихотворениях О. Мандельштама и И. Бродского // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. №6. С. 82–90.
- 14 *Лосев Л.* Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006. 447 с.
- 15 *Михайлова М.В.* Жертва, прощение, дар: антропос между виктимностью и свободой // Международный журнал исследований культуры. 2017. №4 (29). С. 71–77.
- 16 *Полухина В.* Поэтика Иосифа Бродского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. 296 с.

- 17 *Ранчин А.М.* Иосиф Бродский и Анна Ахматова: об одном общем мотиве и его разных интерпретациях // Литературоведческий журнал. 2023. №1 (59). С. 145–158.
- 18 *Ранчин А.М.* Иосиф Бродский и русская поэтическая традиция. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2001. 380 с.
- 19 *Ратмайр Р.* Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
- 20 *Твердохлеб О.Г.* Концепт «Жалость» в поэтическом языке Иосифа Бродского // Вестник славянских культур. 2024. № 71. С.169–178.
- 21 *Томильцева Д.А.* Извинение и прощение: различия в социальных аспектах употребления // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. №8. С. 45–49.
- 22 *Фокина С.А.* Концепт «горение» в лирическом послании И. Бродского // Acta Eruditorum. 2022. № 40. С. 94–97.
- 23 *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: ИКАР, 1998. 291 с.
- 24 *Ченских Е.П.* Концептуализация внутреннего мира человека в поэзии Иосифа Бродского (на примере концептов ум, мозг, сердце) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1 (44). С. 389–397.

Источники

- 25 *Апресян Р.Г.* Прощение // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 3. 692 с.
- 26 *Ахматова А.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1998. Т. 1: Стихотворения. 1941–1959 / сост., подгот. текста, коммент. и ст. Н.В. Королевой. 640 с.
- 27 *Бродский И.* Собр. соч. // Электронная библиотека Royallib.com. URL: https://royallib.com/book/brodskiy_iosif/sobranie_sochineniy.html (дата обращения: 25.05.2025).
- 28 *Глэд Дж.* Беседы в изгнании // Русское литературное зарубежье <https://biography.wikireading.ru/195061> (дата обращения: 25.05.2025).
- 29 Национальный корпус русского языка // Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.05.2025).
- 30 Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 528 с.
- 31 *Полухина В.* Бродский глазами современников. Сборник интервью. М.: Изд-во Журнала «Звезда», 1997. 336 с.
- 32 Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 789 с.
- 33 Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1987. Т. 3: П-Р. 752 с.
- 34 Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во ИРЯ АН СССР, 1950. Т. 1. 768 с. М.; Л.: Изд-во ИРЯ АН СССР, 1954. Т. 3. 1340 с.

© 2026. Olga G. Tverdokhleba
Orenburg, Russia

**THE CONCEPT OF “FORGIVENESS”
IN A POETIC LANGUAGE OF JOSEPH BRODSKY**

Abstract: The paper contributes to the study of anthropocentric linguistics and cognitive poetics, revealing how linguistic means form the key ideological concept of I. Brodsky “forgiveness”. Based on the material of the National Corpus of the Russian Language and electronic collected works of the poet, the study explores lexical-semantic, grammatical and stylistic features of the representation of this concept. Methodology: corpus analysis (frequency, grammatical forms); contextual analysis (semantics, connotations); intertextual approach (connection with Christianity, literary predecessors). Illustrative material shows that in the poetry of I. Brodsky: a) forgiveness is realized linguistically mainly through the verb forms, among which the imperative mood forms (“*forgive*”, “*forgive*”) are especially frequent, which emphasizes its imperative nature; b) conceptually it is connected with the Christian tradition, but rethought in an existential key — as an act of communication (dialogue with the world) and as a philosophical category reflecting the problems of guilt, time and reconciliation with the finitude of being; c) forgiveness is addressed to God, women (including Anna Akhmatova and lyrical heroines) and an abstract reader — such a plurality of addressees emphasizes the dialogical nature of poetic confession, which reflects; d) there are no negative nominal and verbal lexemes (with the particle not or the prefix bez-, etc.), representing the concept of “forgiveness”, which confirms the absolute value of this concept, the value of the ability to forgive in the poetic world of I. Brodsky; d) for special expressiveness of poetic lines and strengthening the meaning of ‘forgiveness’ the poet uses various kinds of repetitions of verb predicates. The results obtained may be of interest to literary scholars studying the work of Joseph Brodsky, and may also be used in the practice of compiling a dictionary of the poet.

Keywords: Joseph Brodsky, concept, forgiveness, Corpus Analysis, Christian Ethics, linguapoetics, idiostyle.

Information about the author: Olga G. Tverdokhleba — PhD in Philology, Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St., 19, 460844 Orenburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8309-0245>

E-mail: ogtward@gmail.com

Received: July 03, 2025

Approved after reviewing: November 11, 2025

Date of publication: March 25, 2026

For citation: Tverdokhleba, O.G. “Concept ‘Forgiveness’ in a Poetic Language of Joseph Brodsky.”. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 79, 2026, pp. 131–143. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-79-131-143>

References

- 1 Apresian, R.G. *Etika proshcheniia v XX veke* [*The Ethics of Forgiveness in the 20th Century*]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 210 p. (In Russ.)
- 2 Akhapkin, D.N. *Iosif Brodskii i Anna Akhmatova. v glukhonemoi Vselennoi* [*Joseph Brodsky and Anna Akhmatova. In the Deaf and Dumb Universe*]. Moscow, AST Publ., 2021. 288 p. (In Russ.)
- 3 Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [*Aesthetics of Verbal Creativity*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 423 p. (In Russ.)
- 4 Bobunova, M.A. *Kontseptosfera I. Brodskogo* [*Conceptosphere of I. Brodsky*]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2015. 320 p. (In Russ.)
- 5 Brileva, I.S. “O kategorii proshcheniia v sisteme traditsionnogo mirovozzreniia” [“On the Category of Forgiveness in the System of Traditional Worldview”]. *Mir russkogo slova*, no. 2, 2015, pp. 35–44. (In Russ.)
- 6 Galimullina, A.R. “Funktsionalno-grammaticeskii maksimalizm infinitivnoi poezii Iosifa Brodskogo” [“Functional and Grammatical Maximalism of the Infinitive Poetry of Joseph Brodsky”]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Series: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Humanities and Social Sciences], vol. 23, no. 3, 2023, pp. 90–99. (In Russ.)
- 7 Gladkikh, Iu.G., Sannikova, E.I. “Dinamika godichnogo tsikla v lirike I.A. Brodskogo: lingvisticheskii aspekt” [“Dynamics of the Annual Cycle in the Lyrics of I.A. Brodsky: Linguistic Aspect”]. *Gumanitarnye issledovaniia. Istorii i filologii*, 2023, no. 10, pp. 72–78. (In Russ.)
- 8 Zhiliakov, S.V. “Arkhietipicheskie obrazy v lirike Brodskogo (na primere stikhotvoreniia ‘Pamiati...’ i ‘Na smert...’)” [“Archetypal Images in Brodsky's Lyrics (Based on the Poems ‘In Memory...’ and ‘To Death...’)”]. *Professiya: literator. God rozhdeniia: 1940. Kollektivnaia monografiia* [Profession: writer. Year of birth: 1940]. Elets, Bunin Yelets State University Publ., 2021, pp. 16–27. (In Russ.)
- 9 Zhulkova, K.A. “Osnovnye kontsepty poezii I.A. Brodskogo” [“Basic Concepts of I.A. Brodsky's Poetry”]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Series7: Literaturovedenie* [Literary Science], no. 4, 2020, pp. 91–96. (In Russ.)
- 10 *I.A. Brodskii: pro et contra, antologii: v 2 t.* [*I.A. Brodsky: pro et contra, Anthology: in 2 vols.*]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2022. Vol. 1. 878 p. St. Petersburg, Russkaia khristianskaia gumanitarnaia akademiia Publ., 2023. Vol. 2: *Iosif Brodskii v mirovoi kulture* [*Joseph Brodsky in World Culture*]. 972 p. (In Russ.)
- 11 Karasova, S.Ia. “Lingvisticheskie sredstva vyrazheniia prosby proshcheniia” [“Linguistic Means of Expressing a Request for Forgiveness”]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, no. 64-1, 2019, pp. 140–142. (In Russ.)
- 12 Komar, N.G. “Motiv pokaianiia i proshcheniia v lirike A.A. Akhmatovoi” [“The Motif of Repentance and Forgiveness in the Lyrics of A.A. Akhmatova”]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 56, 2010, pp. 32–34. (In Russ.)
- 13 Kudalina, A.A. “Liubov, smert i rech: o dvukh stikhotvoreniiax O. Mandelshtama i I. Brodskogo” [“Love, Death and Speech: about Two Poems by O. Mandelshtam and I. Brodsky”]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Series: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kulturologiia* [Literary Criticism. Linguistics. Cultural Studies], no. 6, 2022, pp. 82–90. (In Russ.)

- 14 Losev, L. *Iosif Brodskii: Opyt literaturnoi biografii* [*Joseph Brodsky: An Experience of a Literary Biography*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006. 447 p. (In Russ.)
- 15 Mikhailova, M.V. “Zhertva, proshchenie, dar: antropos mezhdru viktimnostiu i svobodoi” [“Sacrifice, Forgiveness, Gift: Anthropos Between Victimhood and Freedom”]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniia kultury*, no. 4 (29), 2017, pp. 71–77. (In Russ.)
- 16 Polukhina, V. *Poetika Iosifa Brodskogo* [*The Poetics of Joseph Brodsky*]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2003. 296 p. (In Russ.)
- 17 Ranchin, A. “Iosif Brodskii i Anna Akhmatova: ob odnom obshchem motive i ego raznykh interpretatsiakh” [“Joseph Brodsky and Anna Akhmatova: On One Common Motif and Its Different Interpretations”]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1 (59), 2023, pp. 145–158. (In Russ.)
- 18 Ranchin, A. *Iosif Brodskii i russkaia poeticheskaia traditsiia* [*Joseph Brodsky and the Russian Poetic Tradition*]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2001. 380 p. (In Russ.)
- 19 Ratmair, R. *Pragmatika izviniia. Sravnitelnoe issledovanie na materiale russkogo iazyka i russkoi kultury* [*The Pragmatics of Apology. A Comparative Study Based on the Russian Language and Russian Culture*]. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury Publ., 2003. 272 p. (In Russ.)
- 20 Tverdokhleby, O.G. “Kontsept ‘Zhalost’ v poeticheskom iazyke Iosifa Brodskogo” [“Concept ‘Pity’ in a Poetic Language of Joseph Brodsky”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 71, 2024, pp. 169–178. (In Russ.)
- 21 Tomiltseva, D.A. “Izvinenie i proshchenie: razlichii v sotsialnykh aspektakh upotrebleniia” [“Apology and Forgiveness: Differences in Social Aspects of Use”]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 8, 2010, pp. 45–49. (In Russ.)
- 22 Fokina, S.A. “Kontsept ‘gorenie’ v liricheskom poslanii I. Brodskogo” [“The Concept of ‘Burning’ in the Lyrical Message of I. Brodsky”]. *Acta Eruditorum*, no. 40, 2022, pp. 94–97. (In Russ.)
- 23 Formanovskaia, N.I. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinits obshcheniia* [*Communicative and Pragmatic Aspects of Communication Units*]. Moscow, IKAR Publ., 1998. 291 p. (In Russ.)
- 24 Chenskikh, E.P. “Kontseptualizatsiia vnutrennego mira cheloveka v poezii Iosifa Brodskogo (na primere kontseptov um, mozg, serdtse)” [Conceptualization of the Inner World of a Person in the Poetry of Joseph Brodsky (Based on the Concepts of Mind, Brain, Heart)]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 1 (44), 2021, pp. 389–397. (In Russ.)